
Социально-пространственные особенности китайской (суб)урбанизации¹

Рецензия на книгу: Сюэфэй Жэнь (2023). Урбанизация по-китайски. Бостон/Санкт-Петербург: Academic Studies Press/Библиороссика.

И. В. Троцук

Ирина Владимировна Троцук, доктор социологических наук, профессор кафедры социологии Российского университета дружбы народов; ведущий научный сотрудник Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571, Москва, пр. Вернадского, 82. E-mail: irina.trotsuk@yandex.ru

DOI: 10.22394/2500-1809-2024-9-3-265-279

Ход и результаты социально-экономического развития Китая за последние десятилетия (и даже столетия) неизменно оказываются в фокусе внимания представителей разных дисциплин, пытающихся объяснить специфику китайского варианта политико-государственного регулирования и соотношение «капиталистического» и «социалистического» в нынешних итогах многолетних реформ. Устойчивые дискурсивные оценки пройденного китайским обществом пути и достигнутых результатов варьируют от художественно-литературных констатаций неумолимого отказа от прошлого² до компиляций оценочно-лозунговых цитат из выступлений лидеров страны. Объединяет столь разнородные оценки общий рефрен: Китай сумел построить успешную (в том числе с точки зрения своего представительства на мировом рынке и геополитической арене) социально-экономическую систему, которую следует однозначно квалифицировать как капиталистическую, но со значительным социалистическим креном и/или китайской спецификой. Одним из факторов по-разному оцениваемой, но всегда признаваемой успешности нескольких последовательных (без «шоковой терапии») периодов реформ в Китае считается сочетание принципов индустриализации, информатизации, урбанизации и аграрной модернизации, но многих исследователей интересует именно урбанизация — всемерно поддерживаемый государством («его сильное

1. Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

2. См., напр.: *Ли Июнь* (2018). *Добрее одиночества*. М.: АСТ. С. 11–12.

вмешательство — необходимый фактор модернизации в развивающихся странах»³) инструмент «двухколейного перехода»⁴ (капиталистически-социалистической рыночной модернизации одновременно «сверху» и «снизу»), «создания и регулирования рынка при участии государства»⁵.

Первоначально речь шла не об урбанизации, а об «окружении города деревней» — стратегии Мао Цзэдуна, согласно которой имущественное расслоение в деревне следовало преодолеть посредством конфискации земли у местных богачей и ее распределения между крестьянами; позже эта идея превратилась в политическую программу экспроприации монополистического капитала в пользу социалистического правительства для защиты национальной экономики⁶. Уже в начале XX века «континуум город–село» как модель отношений между городом и деревней на протяжении большей части китайской истории был нарушен, и споры о причинах этого раскола ведутся до сих пор (выраженная поляризация городского и сельского укладов после опиумных войн XIX века в связи с появлением крупных городов как договорных портов, политический и культурный антиурбанизм первой половины XX века, приоритет городской модернизации посредством индустриализации при социализме и др.⁷). Сельско-городской дисбаланс позволил «Мао Цзэдуну разоблачить капиталистический город как паразитическое образование, не соответствующее нормам традиционной китайской этики», но последние десятилетия бесповоротно отменили наказ Мао Цзэдуна и саму идею об окружении городов деревнями. Экономические реформы Дэн Сяопина в 1978 году начались в сельской местности с введения системы семейных подрядов, но после образования в 1980 году первых особых экономических зон акцент стал смещаться на развитие городов, и сегодня «урбанизация доминирует в Китае как в демографическом, так и в идеологическом плане»⁸.

Постепенно в стране оформилась административно-командная система, в которой город и деревня были разделены благодаря системе регистрации домохозяйств *хукоу*, ограничивавшей мобильность сельского населения (чтобы избежать безработицы в городах и не позволить сельским жителям использовать городские дотации

3. Чжан Юй (2017). Опыт китайских экономических реформ и их теоретическая. М.: Шанс. С. 58.
4. Там же. С. 9; Линь Ифу (2017). Демистификация китайской экономики. М.: Шанс. С. 353.
5. Вебер И. (2024). Как Китай избежал шоковой терапии: дебаты о рыночной реформе. Ереван: Fortis Press. С. 26.
6. Линь Ифу (2017). Демистификация китайской экономики. М.: Шанс. С. 95.
7. Виссер Р. (2022). Города окружают деревню. Урбанистическая эстетика в культуре постсоциалистического Китая. СПб.: Academic Studies Press/Библиороссика. С. 26.
8. Там же. С. 9.

и субсидии). В результате в городах быстро развивалась промышленность, а в селах нарастали кризисные явления — наметились структурные дисбалансы в экономике, увеличивался разрыв в уровне доходов и потребления между городом и селом⁹. Вплоть до середины 1980-х годов от структурных дисбалансов страдали и село, и город¹⁰: урбанизация и индустриализация изымали все больше сельскохозяйственных земель в условиях роста населения и уровня жизни, доходы крестьян увеличивались слишком медленно, сельская социальная инфраструктура либо не развивалась, либо становилась непомерно дорогой; в городах наблюдался дефицит одних продуктов на фоне перепроизводства других, несоординированность производственных потоков, низкая мотивация работников и неэффективность государственных предприятий.

В середине 1980-х годов в Китае началась «серия периферийных революций, в результате которых... страна встала на путь рыночных преобразований»¹¹: аграрная реформа (деколлективизация), сельская индустриализация, развитие негосударственного сектора в городах и создание специальных экономических зон в столицах провинций были призваны «поставить капитализм на службу социализму» и превратить города в «лаборатории для экспериментов с капиталистическими принципами во благо социализма»¹². Перечень периферийных революций показывает, что приоритеты китайского руководства в социально-экономическом развитии были в равной степени распределены между городом и деревней и не сводились к ускоренной урбанизации за счет сельских ресурсов. «На пути к полному построению среднезажиточного общества... несбалансированное и несоординированное развитие между городскими и сельскими районами является серьезным противоречием... Реализация стратегии подъема села — это масштабный и систематический проект, направленный на достижение баланса между городским и сельским развитием, на победу в решающей битве с бедностью и на завершение строительства умеренно процветающего общества и современной социалистической страны»¹³. Кроме того, руководство страны считало рынок и государство в равной мере ответственными за повышение эффективности сельскохозяйственного производства, сокращение разрыва между городскими и сельскими районами и между регионами, поддержку местного

9. *Линь Ифу* (2017). Демистификация китайской экономики. М.: Шанс». С. 139.

10. Там же. С. 213–214.

11. *Коуз Р., Нин Ван* (2016). Как Китай стал капиталистическим. М.: Новое издательство. С. 77.

12. Там же. С. 101.

13. Стратегия подъема села (2023) / Под ред. Чжан Сяошань. СПб.: Нестор-История. С. 8.

самоуправления, рост инвестиций в инфраструктуру и улучшение условий жизни населения.

Добиться схожих темпов урбанизации и сельского развития Китаю не удалось: «после проведения политики реформ и открытости сотни миллионов крестьян перешли от сельского хозяйства к не-сельскохозяйственным отраслям, от проживания в сельской местности к жизни в городах и поселках... приток рабочих-мигрантов способствовал процессу индустриализации и урбанизации и стал мощной движущей силой развития интеграции между городом и деревней»¹⁴. За последние полстолетия в китайской сельско-городской миграции оформились три волны¹⁵: те, кто «покидают ниву и не покидают село, заходят на фабрику и не въезжают в город»; те, кто «покинул ниву и покинул село, заходит на фабрику и въезжает в город»; те, кто длительное время проживает в городах по работе и стремится перевезти сюда свои семьи. Соответственно, ключевыми факторами «китайского экономического чуда» стали дешевая (сельская) земля (для городского строительства и производства) и дешевая рабочая сила (сельские рабочие-мигранты в городах). Коэффициент урбанизации Китая вырос с 2012 по 2018 год с 52,6 до 59,6% (по численности постоянного городского населения) или же с 35,3 до 43,3% (по численности прописанного в городах населения; многие рабочие-мигранты зарегистрированы в селах), т. е. речь идет о «неполной урбанизации, с укреплением двойственной структуры между городами и деревнями»¹⁶.

В книге «Урбанизация по-китайски», «посвященной рабочим-мигрантам», Сюэфэй Жэнь подводит итоги «городского века» Китая, предлагая читателю обзор профильных исследований по данной проблематике и обозначая прошлые, нынешние и перспективные направления урбанизации в Поднебесной. В Предисловии к русскому изданию автор отмечает, что книга была опубликована в 2011 году, когда Китай находился на очередном пике урбанизации, но с 2013 года и особенно после пандемии коронавируса темпы урбанизации и экономического развития стали умеренными. Однако начавшиеся с 2013 года перемены не следует считать новыми веяниями — это скорее «побеги семян, кинутых в землю еще в период стремительного развития китайской экономики (1990–2011)... и понимание городских реформ того периода имеет решающее значение для восприятия современного Китая, его проблем и возможностей» (с. 7–8). Кроме того, многие статистические показатели и данные по урбанизации, миграции, размерам городов, количеству домовладений и пр. были выборочно обновлены по состоянию на 2021–2023 годы.

14. Там же. С. 31.

15. Там же. С. 31–32.

16. Там же. С. 34–35.

Книга представляет собой во всех смыслах «правильное» академическое издание — логично структурированное, снабженное предисловием и заключением, хронологией новейшей китайской истории, иллюстрациями, картами и таблицами, библиографией и предметно-именным указателем. Содержательно и структурно книга призвана показать, «как Китай смог провести ускоренную урбанизацию за столь короткий период и что может принести китайским гражданам и миру в целом перспектива урбанизированной Поднебесной» (с. 15). Ускоренность урбанизации подтверждается тем, что вплоть до последней четверти XX века страна была аграрной, а большинство ее населения — сельским: на момент образования КНР в 1949 году доля горожан составляла 10%, к началу рыночных реформ 1978 года — 20%, в 2010 году — около 50%. Урбанизация привела к глубоким трансформациям китайского общества — смене правящих институтов (переход от централизации к сельским и городским администрациям), перераспределению материальных ценностей и социальных благ, пересмотру гражданских прав, изменению двухклассовой системы (эксплуатируемое во имя великих идей сельское население и относительно социально защищенные горожане) вследствие отказа от социалистических структур в деревнях (народных коммун) и городах (рабочих коммун), а также к новым формам неравенства.

Свои задачи автор формулирует так (с. 18–19): рассмотреть беспрецедентный рост китайских городов как нетипичное проявление урбанизации в свете западных теорий городского развития и управления; следуя общепринятой стратегии изучения китайской урбанизации (институциональный подход к анализу пространственной и социальной реструктуризации городов), устранить сохраняющиеся здесь белые пятна (прежде всего, это ситуация в средних и малых городах, хотя в Китае они растут быстрее, чем мегаполисы). В первом случае подразумевается отсутствие в Китае переходного периода «от фордизма к постфордизму», характерного для Запада и развивающихся стран: «китайские города демонстрируют схожие стремления к предпринимательству и неолиберализму, однако их причины стоит искать за пределами деиндустриализации и деградации городской среды, которые (пока) не проявились в Китае» (с. 20). Во втором случае автор сосредотачивается не на досконально изученной проблематике (земельных и жилищных реформах), а на слабо освещенных аспектах городской жизни (гендерные и межэтнические отношения, культурные практики, окружающая среда, медийные системы и др.).

Для преодоления ограничений сложившейся научной традиции в книге и представлен «максимально доступный для широкой аудитории всесторонний критический анализ феномена китайской урбанизации», сосредоточенный на пяти ее взаимосвязанных «измерениях»: управление, ландшафт, миграция, неравенство и культурная экономика. Столь тематически разнородные разде-

лы объединяет общая идея автора — проследить «преобразования гражданственности в ходе урбанизации», показать, «как китайские города превращаются в стратегические плацдармы для переформатирования социальных прав» (с. 21) (идея несколько гуманистически-утопичная, но крайне привлекательная).

В первой главе описаны те демографические сдвиги и исторические процессы, что обусловили эволюцию китайских городов. Подъем экономики Китая автор считает «интересным кейсом для социологов», поскольку сложилось два подхода к интерпретации «китайского экономического чуда» (с. 24–32). Согласно первому подходу, стремительный взлет Китая — «отражение общемирового тренда неолиберализма, наметившегося в конце 1970-х годов» (маркетизация и приватизация в русле всемирной реструктуризации неолиберальной экономики). Сторонники второго подхода видят причину впечатляющего социально-экономического роста в историко-локальном контексте страны (социалистическое наследие и постсоциалистические институциональные механизмы).

Представители первого подхода делятся на поборников и противников общемирового неолиберализма. Первые связывают успехи Китая с приверженностью таким элементам неолиберализма, как дерегулирование и децентрализация, открытый рынок и частная собственность, хотя это не подтверждается эмпирическими данными: реформы в КНР «мало походили на шоковую терапию» и растянулись на три с лишним десятилетия, инструменты приватизации и дерегуляции применялись избирательно для минимизации разрушительных последствий реформирования. «Если шоковая терапия предлагала снести весь дом и построить новый с нуля, то китайская реформа напоминала игра в дженгу: удалялись только те блоки, которые можно было передвинуть, не угрожая устойчивости здания в целом. Тем не менее благодаря этому процессу здание коренным образом менялось... Градуалистская реформа, которая поставила Китай на путь догоняющего развития, реиндустриализации и реинтеграции в глобальный капитализм, также подразумевала, что институциональная конвергенция между Китаем и неолиберальной разновидностью капитализма оставалась незавершенной»¹⁷. Критики неолиберализма утверждают, что капиталистически-эксплуататорский путь привел к резкой социально-экономической поляризации китайского общества (между богатыми и бедными, городами и деревнями, приморскими и материковыми районами) и породил сочетание «неолиберальных элементов с авторитарным централизованным контролем» — «неолиберализм с китайской спецификой», «аккумуляцию ресурсов за счет отчуждения». Обе позиции автор отвергает как избыточно «широкие трактовки... которые не дают понимания, как за столь короткий период Китаю удалось стать вто-

17. Вебер И. (2024). Как Китай избежал шоковой терапии: дебаты о рыночной реформе. Ереван: Fortis Press. С. 28.

рой экономикой мира... и не объясняют, почему другие страны с нарождающимися рынками, в том числе Индия, Россия и Бразилия, не демонстрировали схожие темпы роста» (с. 28).

Сторонники второго подхода связывают подъем Китая с контекстуально-историческими предпосылками (социальное наследие Китайской революции и первых трех десятилетий социализма — дешевая, здоровая и образованная рабочая сила) и институциональными новациями (реформирование системы управления и производства в сельскохозяйственном секторе способствовало ускоренной индустриализации и урбанизации, повышению производительности труда и улучшению качества жизни в сельских районах), которые впоследствии стимулировали децентрализацию. Иными словами, в китайском переходе от плановой к рыночной экономике удачно сочетались тренд на неолиберализм и ориентация на местные институты. «В 1980-е годы на краткое время верх взял сельский Китай, где царствуют предпринимательство и рынок, но уже в 1990-е годы ситуация изменилась, и верх взял городской Китай под управлением государства... Экономический рост Китая с 1990-х годов — это рост городов. Китайское экономическое чудо свершается в крупнейших городах Поднебесной» (с. 31–32).

Однако у чуда есть и обратная сторона: несмотря на неоднозначные категоризации и сложности с сопоставлением статистических данных, автор убедительно показывает, что экономический рост и миграция нарушили баланс между сельским и городским населением — в 1982 году доля городского населения составляла 20,6%, а сегодня половина китайцев проживает в городах, причем интенсивно развиваются как крупные, так и средние и малые города. Это обеспечивает достаточно равномерное распределение населенных пунктов разных размеров по территории страны, но не населения, которое следует за ресурсами и экономическими возможностями, сосредоточиваясь в крупных городских регионах: в 1980-е — первой половине 1990-х годов рост городского населения в основном объяснялся увеличением числа городов, позже — увеличением населения в городах.

Во многих странах село-городской дисбаланс был обусловлен исторически (например, средневековые европейские города возникали из рыночных поселений), но в Китае ситуация складывалась иначе — города были лишены политической автономии административными центрами и зависели от поставляющих им ресурсы внутренних сельских районов. «На протяжении большей части истории между городом и деревней не было жесткого разделения, и китайские города были тесно связаны с сельской местностью и внутренними районами за счет межрегиональной торговли и перемещения жителей. Лишь в 1950-е годы... происходит институционализация и закрепление иерархической структуры “город-деревня”. Разрыв между городом и деревней — наследие социализма, которое и сейчас оказывает значительное влияние

на китайское общество» (с. 41). Автор приводит многочисленные подтверждения «органического единства сельской и городской жизни» (отсутствия формальных институциональных границ между городами и сельской местностью) в Китае, ссылаясь в том числе на работы М. Вебера, т. е. социально-экономическая дифференциация в Китае исторически проходила не по линии «город–село», а между регионами с более-менее высоким уровнем урбанизации. Эта традиционная городская система существенно изменилась только в 1949 году, когда Китай был преимущественно аграрной страной: 10% населения проживало в городах, в основном в нескольких крупных, и они концентрировали как экономические (развитая промышленная инфраструктура), так и политические (региональные столицы) функции.

Власть намеревалась ликвидировать «три различия» — между промышленностью и сельским хозяйством, между городами и деревнями, между умственным и физическим трудом. Однако «по иронии при коммунистах эти различия лишь усилились, если не сказать обострились», учитывая ориентацию Мао Цзэдуна на победу в первую очередь в сельской местности и его нелюбовь к мегаполисам. «Под влиянием идеологического подхода СССР в вопросах муниципального планирования города виделись... как площадки для промышленного производства... Чтобы избежать издержек, связанных с урбанизацией, размер городов и численность городского населения... строго контролировались (в 1960–1970-е годы городское население увеличивалось лишь на 2,3% в год и не превышало 20% населения страны)», т. е. «урбанизация проходила под влиянием императивов индустриализации» (с. 47).

Автор называет этот этап «индустриализацией вне урбанизации»: правительство не вкладывало средства в города и выводило из них ресурсы, но, «несмотря на антиурбанистские настроения, было вынуждено опираться на города для сбора финансов, необходимых для планирования и управления национальной экономикой (пример — Шанхай)» (с. 48). Страдали от такой модели урбанизации не только города, но и сельская местность, где была «уничтожена в прошлом диверсифицированная экономика (ремесла и торговля)», что и привело к сильному разрыву между городом и деревней. Города специализировались на промышленном производстве и имели систему социального обеспечения, деревни занимались производством аграрной продукции в отсутствие государственной системы социальных гарантий, что породило стремительную миграцию из сельской местности в города, сдерживаемую лишь системой прописки *хукоу*. «Разрыв между городом и деревней усугублялся государственными приоритетами индустриализации и подавления урбанизации, а позднее институционализацией режима *хукоу*, разделившего население страны на городские и сельские сегменты и ограничившего возможности передвижения между городами и деревнями» (с. 49).

Ситуация начала меняться в 1980-е годы: «Урбанизация приняла форму сельской индустриализации посредством внедрения поселково-волостных предприятий, т. е. “урбанизации снизу”. Начиная с 1990-х годов центром урбанизации вновь становятся города, куда направляются значительные капитальные вложения... — это переход от “сельской урбанизации” (с применением разных региональных моделей и институциональных механизмов) к “урбанизации, ориентированной на город”» (с. 50). Факторами данного перехода выступили усиление интеграции Китая в мировую экономику, масштабная административная децентрализация, приток иностранных инвестиций в городские районы и реализация бюрократическими элитами крупных городских проектов на центральном и муниципальном уровнях — развитие городов стало источником накопления капитала для реализации постепенных и последовательных рыночных реформ.

Столь подробное изложение основных идей первой главы объясняется не только ее ролью объективного и дискурсивного «фрейма» для последующего повествования, но и авторской позицией. В Предисловии подчеркнута принципиальная значимость первой главы для понимания сути, факторов, модели и результатов китайской урбанизации, после чего читатель может в любой последовательности знакомиться с остальными главами или другими изданиями, обращаясь к наиболее интересным для себя аспектам «китайского экономического чуда».

Во второй главе реконструирована логика смены административных структур на разных уровнях управления в ходе земельных и жилищных реформ, моделей финансирования городской инфраструктуры и функционирования крупных городских регионов. В частности, обозначена широко представленная сегодня в научных исследованиях и политико-активистских инициатива проблема «захвата земли» — когда «городские жители и фермеры регулярно теряют свои дома и землю в результате различных проектов, инициируемых местными властями и частными застройщиками» (с. 57) (даже если крестьяне и горожане получают компенсацию, то гораздо ниже рыночных ставок). Показано сходство городского управления в Китае с постиндустриальными городами на Западе с точки зрения идеологии неолиберализма и предпринимательства: «местные власти начинают действовать как корпорации», однако, в отличие от западных городов, китайские не переживали кризис фордизма, а «перестраивали нормативно-правовые механизмы, унаследованные от эпохи построения социализма, во имя обеспечения новых потребностей урбанизации и миграционных потоков внутри страны» (с. 59).

Как и в других разделах книги, во второй главе приведена масса исторических примеров по разным аспектам развития китайских городов, и читатель может выбрать наиболее интересные для себя сюжеты. Скажем, система *хукоу* охарактеризована с позиции сво-

их основных (с социологической точки зрения — явных) функций (ограничение сельско-городской миграции, концентрация ресурсов для городской индустриализации, эксплуатация крестьянства в интересах развития городов и страны) и латентных — разделение населения Китая на сельскохозяйственную и несельскохозяйственную группы (с соответствующим неравномерным распределением жизненных возможностей между городом и деревней), перенаправление потоков сельской миграции в менее крупные города, дифференциация создаваемого *хукоу* «стеклянного потолка» в целях привлечения инвестиций и талантов (с. 80). Другой интересный пример — стратегии городских властей по расширению и закреплению своего влияния на сельские районы при поддержке центральной власти (с. 82–83): «превращение» (переквалификация) целых уездов в города, что дает администрациям больше возможностей для городской застройки и сокращения сельскохозяйственного сектора; подчинение городам сопредельных уездов, что порождает между муниципальными и уездными властями борьбу за ресурсы; «аннексия» городами уездов и их превращение в городские районы (мегаполисы используют эту стратегию для перевода промышленности из центральных районов, решения проблемы перенаселенности и т. д.).

В третьей главе описаны изменения городских ландшафтов в центральных и периферийных регионах: «на примере отдельных зданий, улиц, микрорайонов и районов в Пекине, Шанхае и Шэньчжэне рассмотрено, как различные акторы планируют, строят, совершенствуют, брендируют, переосмысливают, используют и оспаривают эти места. Непрерывающиеся изменения в городских ландшафтах представляют собой социальную канву, которая позволяет судить о динамике властных отношений между местными и мировыми субъектами в процессе сотворения мест» (с. 119). Прежде чем совместно с читателем изучать разные «кейсы», автор реконструирует необходимый для этого общий контекст преемственности и разрывов с социалистической эпохой: сильное влияние местных властей на градостроительство (в ущерб участию общест-венности), акцент на технологиях изменения окружающей среды (игнорирование иных форм планирования), применение характерных для эпохи социализма модульных решений, противоречие между сохранением исторического наследия и стремлением к развитию, и т. д.

С социологической точки зрения в третьей главе интересны рассуждения автора о феномене субурбанизации. С одной стороны, как и в США, в Китае наблюдается разрастание городов на многие тысячи километров; с другой стороны, концепт субурбанизации специфичен для реалий Северной Америки (в пределы города входят жилые комплексы с меньшей плотностью населения, до которых нужно добираться на машине), но не вполне корректен для описания расширения китайских городов. Их «периферию... между

крупными историческими центрами и сельской глубиной составляет сложная мозаика множества социальных миров (поселки-спутники, престижные виллы, поселения мигрантов, университетские кампусы, производственные комплексы, экогородки и даже сельскохозяйственные угодья), мало напоминающая американские пригороды» (и российские тоже) (с. 138). За этой мозаичностью неизменно стоит «модель принятия решений “сверху вниз”, создающая препятствия для устойчивого городского будущего»: «Государство играет ведущую роль в преобразовании китайских городов посредством выработки политических курсов, составления генеральных планов, привлечения иностранных архитекторов, создания партнерства и игнорирования конкретных запросов населения... Взаимодействие китайского государства с экспертами международного уровня может приводить к непредсказуемым последствиям... Обычные люди оказываются вне принятия решений... Политические элиты участвуют в реконструкции ради обогащения и амбиций, не думая о людях... А это ставит под сомнение легитимность государства» (с. 150–151). Беспокойство автора разделяют и другие исследователи, отмечаящие, что беспрецедентный уровень китайской субурбанизации¹⁸ привел к смене подвижного социально-экономического разнообразия городских кварталов резкой сегрегацией пригородов — на «золотые гетто» для очень богатых и «мигрантские анклав» для очень бедных (сельских работников)¹⁹.

Четвертая глава посвящена процессам миграции, и акцент сделан на формировании «деревень в городах» как «фактически анклавов мигрантов». Сельско-городскую миграцию автор рассматривает как «историю о лучшей жизни и обретении свободы, но также об эксплуатации и страданиях» (с. 153). Сельские мигранты заняты на непрестижных среди городского населения позициях и стали основным рабочим классом в городах, но живут на задворках городской жизни в силу низких заработков, по сути, превратились «в людей второго сорта в собственной стране» (с. 154).

Автор ищет ответы на два основных вопроса: как миграция способствует трансформации китайских городов и в каких условиях живут и работают мигранты. В первом случае очевидны принципиальные отличия Китая от других мегагородов Глобального Юга: здесь редки незаконные постройки — большинство мигрантов живут в общежитиях при фабриках и стройках или же в жи-

18. См., напр.: Zhou Y., Ma L. J. C. (2000). Economic restructuring and suburbanization in China // *Urban Geography*. Vol. 23. No. 3. P. 205–236.

19. См., напр.: Giroir G. (2006). A globalized golden ghetto in a Chinese garden: The Fontainebleau villas in Shanghai // *Globalization and the Chinese City* / Ed. by Fulong Wu. London: Routledge. P. 208–225; Zhang Li (2005). Migrant enclaves and impacts of redevelopment policy in Chinese cities // *Restructuring the Chinese City: Changing Society, Economy, and Space* / Ed. by Fulong Wu. London: Routledge. P. 243–259.

лых комплексах, которые получили название «деревни в городах» (с. 155). Как правило, это очень разные по размерам, землепользованию и взаимоотношениям с местными властями жилые пространства (бывшие деревни в пределах или за чертой города), которые крестьяне строят/поддерживают для сдачи в аренду. Получается, что анклав мигрантов возникают на городских окраинах, на бывших или все еще сельских землях, и чаще всего подпадают под действие правительственных кампаний по «урбанизации» и «обновлению» (строительству многоэтажек и коммерческой недвижимости), чему сопротивляются «деревни в городе»: сельские жители не хотят менять *хукоу* и терять право коллективной собственности на землю, стремятся сохранить автономию и возможность отстаивать свои интересы; рабочие-мигранты не хотят ухудшения своих жилищных условий, сокращения доступного арендного жилья и роста арендных ставок.

Наметившееся противостояние автор не сводит к упрощенческой дихотомии «общество против государства»: «Не стоит задаваться вопросом, сможет ли гражданское общество победить авторитарное государство в Китае или, напротив, власти подавят гражданское общество и сохранят статус-кво... Мы имеем дело не с игрой на выбывание... Государство целенаправленно участвует в формировании деятельности неправительственного сектора — как с помощью прямых административных ограничений, так и с помощью косвенных мер с целью поощрения. Неправительственные организации для мигрантов как прямыми административными мерами, так и косвенными средствами формируют индивидуалистский, формально-правовой подход с упором на предоставление нуждающимся определенных услуг» (с. 181).

Пятая глава объясняет, почему описанные в предшествующих разделах книги процессы породили новые виды пространственного и социального неравенства. В «изменчивом поле социальной стратификации» Китая автор выделяет три основные тенденции, обусловленные реструктуризацией экономики, изменениями в системе социального обеспечения, реконструкцией и переустройством городских пространств (с. 187): (1) показатели крайней (абсолютной) бедности сократились (по всем критериям), но разрыв между богатыми и бедными увеличился; (2) сформировался новый растущий класс городской бедноты (безработные и низкооплачиваемые, помимо рабочих-мигрантов); (3) нарастает разрыв между имеющими и не имеющими собственное жилье, что усиливает социальную сегментацию горожан. В системной социальной стратификации китайского общества автор выделяет два типа неравенства: социальное исследуют социологи (как пол, образование и политический статус сказываются на доступе к работе, жилью и высоким доходам), пространственное — географы (как неравенство распределяется по уровням сообществ и городских кварталов, например, это старая и новая беднота).

Опираясь на собственные и другие эмпирические данные, автор утверждает, что социальное неравенство в значительной мере детерминировано местом проживания, и город предоставляет лучший доступ к образованию и больше возможностей для получения высокооплачиваемой работы, что связано «не с разным уровнем развития или стоимостью жизни, а с тем, что города формируются как независимые политико-экономические единицы, и предприимчивые местные власти активно добиваются роста города» (с. 196). «Разрыв между классами собственников и неимущих становится все более заметным... Реконструкция городов лишь обостряет стратификацию... При этом китайское общество демонстрирует готовность претерпевать неравенство с учетом повысившегося уровня жизни и сформированных в рамках рыночных реформ открытых механизмов мобильности “из деревень в города”... Произошедшее за конец XX — начало XXI века переустройство китайских городов существенно сказалось на социальной и пространственной структуризации крупных населенных пунктов Китая, и результаты этого процесса мы будем наблюдать на протяжении многих поколений» (с. 210–211).

Один из таких результатов рассмотрен в заключительной, шестой, главе книги — это изменения «культурного потребления» городов, обусловленные тем, что «городская индустрия культуры генерирует одновременно ощущение свободы и отчужденности и задает новые формы контроля и вмешательства со стороны государственных структур» (с. 21). На примерах «городского потребительства, ночной жизни и арт-кварталов» показано, как «маркетизация, глобализация и новые меры государственного вмешательства суммарно переформируют динамику культурной экономики» (с. 213). Шестая глава наиболее кейсово-иллюстративна, но и здесь автор делает серьезные обобщения, например, отмечая, что паттерны потребления в китайских городах позволяют лучше увидеть рост неравенства между имущими и неимущими: «городская беднота, исчисляющаяся миллионами, едва сводит концы с концами на задворках гламурного новоурбанизированного Китая» — потребление становится «средством отчуждения и лишения человека надежды» (с. 219). Кроме того, «культурная экономика китайских городов... представляет собой поле для появления новых форм государственного вмешательства, позволяющих контролировать и одновременно снимать сливки с процветающей отрасли» (с. 234).

В книге в целом много выводов, но уже в Предисловии автор предупреждает о недопустимости не критичного восприятия китайского опыта городского развития и управления, поскольку такие страны, как Индия, извлекли из него неверные уроки. Речь идет о том, что конкретные решения (создание особых экономических зон, обновление городских пространств и др.) заимствуются как своего рода панацея, хотя даже в Китае они имели далеко

не только позитивные последствия. Например, огромные инвестиции в инфраструктуру могут привести к банкротству местных властей, грандиозные проекты запускают печатный станок по линии государственно-частного партнерства, но оказывают незначительное влияние на жизнь городского населения, модернизация посредством расселения бедных районов превращает центральные кварталы в «колонии транснациональных элит» и усиливает экономическое неравенство (с. 22). В Китае ускоренная урбанизация (прежде всего, вложения в развитие городской инфраструктуры) усилила разрывы между восточными, центральными и западными районами (с. 101), а также противоречия между интересами и приоритетами местных и центральных властей (с. 100); «массированные вложения в инфраструктуру сделали возможными государственно-частное партнерство и одновременно образование непрозрачных платформ для аккумуляции средств» (с. 106); «в силу фрагментированной системы управления мегагородскими районами между отдельными городами появляется конкуренция, что приводит к дублированию инфраструктурных проектов, захвату земель и деградации окружающей среды» (с. 107) и т. д.

Для подтверждения своих выводов на протяжении всей книги автор сочетает ссылки на авторитетные концептуальные модели с эмпирическими данными, исторический анализ — с описаниями современных реалий, статистические показатели — с убедительными кейсами (от крупных городов и моделей реформирования до семейных биографий) и личными наблюдениями. Например, говоря о влиянии жилищной реформы как «полном изменении образа жизни городских китайцев и их отношения... с домом», автор рассказывает свою семейную историю, «демонстрирующую процесс превращения граждан из жильцов муниципального жилья в частных собственников» (с. 93).

Итоговые выводы автора однозначно гуманистичны и несколько утопичны: «Города должны планироваться и строиться во имя людей, а не для прибыли. Китай нуждается в новой модели городского планирования и иных политических курсах, которые бы позволили переломить существующую тенденцию превращения городов в машины по производству прибыли для местных властей и частных инвесторов. Города должны стать местом, где люди смогут жить комфортно и счастливо» (с. 117). Утопичность прослеживается в отсутствии как рекомендаций по реализации столь благих пожеланий, так и упоминаний сельского развития. Несомненно, сегодня Китай «является гибридным и неравномерным (в культурном и социальном плане) обществом, в котором традиционные сельскохозяйственные практики сосуществуют с постиндустриальными городами», что вызывает у «пожилых китайцев, по большей части проживающих в условиях господствующей ментальности “родной почвы”... смешанное ощущение восхищения и враждебности», а список тех, кто делает «алармистские, разоблачительные, кри-

тические высказывания в адрес разрушений, причиненных чрезвычайно стремительной и хаотичной урбанизацией... быстро разрастается — от граждан, подвергнутых переселению, художников, писателей и режиссеров до архитекторов, защитников окружающей среды и сторонников сохранения культурного наследия»²⁰. По сути, китайская модель урбанизации «по большей части продолжает эксплуатировать отвергнутую в 1970-е годы известными теоретиками социального планирования... идею, что перестройка городов создаст эффективный, производительный и функциональный социальный порядок»²¹. Но реализуемая модель городского планирования не должна игнорировать «стратегию подъема деревни»: если уж мы говорим об интеграции городского и сельского развития, то миграционные потоки должны быть двусторонними — «не только миграция сельских элементов в города, но и перемещение передовых элементов (капитала, технологий, управления) и качественных городских ресурсов (экономических, социальных, культурных и других) в сельские районы»²².

Social-spatial features of the Chinese (sub)urbanization²³

Review of the book: Xuefei Ren (2023) *Urban China*, Boston/Saint Petersburg: Academic Studies Press/Bibliorossika.

Irina V. Trotsuk, DSc (Sociology), Professor, Sociology Department, RUDN University; Senior Researcher, Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Prosp. Vernadskogo, 82, Moscow, 119571. E-mail: irina.trotsuk@yandex.ru

20. *Vиссер Р.* (2022). Города окружают деревню. Урбанистическая эстетика в культуре постсоциалистического Китая. СПб.: Academic Studies Press/Библиороссика. С. 133–134.

21. Там же. С. 105.

22. Стратегия подъема села (2023) / Под ред. Чжан Сяошань. СПб.: Нестор-История. С. 134.

23. The article was written on the basis of the RANEPА state assignment research program.